

© 1992 г., ЭО, № 5

А. Барнард

ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ И ВЗАИМОПОМОЩЬ: КРОПОТКИН И БУШМЕНЫ¹

«Но все же мы знаем, что ко времени прихода европейцев бушмены жили маленькими племенами (или кланами), иногда объединявшимися в союзы, что они обычно охотились сообща и делили добычу без ссор, что они никогда не оставляли своих раненых и проявляли сильную привязанность к соплеменникам»

Петр Кропоткин²

ВВЕДЕНИЕ

Понятия типа «анархист» и «коммунист», «собственность» и «класс» и даже «регион» и «народ» образованы искусственно, как правило, по аналогии с другими понятиями и в зависимости от идеологических предпочтений комментаторов. Это не означает, что в них нет смысла. Это значит, что их смысл обусловлен антропологической и(иногда) политической ориентацией комментаторов. Определения важны. Мы видим вещи так, как определяем их, и мы определяем их так, как видим. Понимание бушменов каждым этнографом и любым другим исследователем опосредовано желанием представить их в рамках более широкой теории общества. Почти все без исключения авторы, писавшие о южноафриканских обществах охотников-собирателей, характеризовали их как «хорошие» в своей основе. Обычно эти положительные качества противопоставлялись «плохим» социальным институтам или их рассматривали как первичные для образования более разработанных, тоже «хороших» форм социальной организации. Первое представление распространено шире.

В последние примерно 70 лет «первобытный коммунизм» был ошибочно приравнен к «революционному коммунизму» авторитарного марксистского толка. Он был присвоен марксистскими антропологами. Ирония отождествления усиливается от того, что сами Маркс и Энгельс в своих ключевых работах о докапиталистических экономических формациях³ очень мало писали об этом понятии, еще меньше разрабатывали теорию, которая бы объясняла, как функционировало «первобытнокоммунистическое» общество. В концепции первобытного коммунизма нет ничего специфически марксистского.

В этой статье я намереваюсь наряду с прочим изложить альтернативный, во многом немарксистский взгляд на первобытный коммунизм — а именно взгляд Петра Кропоткина, русского князя, теоретика анархизма, географа и (как говорят) раннего наставника А. Р. Рэдклиффа-Брауна⁴.

Кропоткин, конечно же, не был первым, кто выдвинул анархистские или анархо-коммунистические теории общества, но он был первым и одним из немногих авторов-анархистов, которые специально изучали первобытный коммунизм. Его «анархистский коммунизм» конкурировал не только с версией

авторитарного коммунизма Маркса и Энгельса, с другими формами «социализма», но также и — внутри анархистского круга — с теорией «взаимности» Прудона, «индивидуалистским анархизмом» Макса Штирнера, «федералистским», или «коллективным», анархизмом Михаила Бакунина и «анархо-синдикализмом» Жоржа Сореля и др. Кропоткин делал акцент на коммунизме как цели революционных изменений, но в отличие от Маркса и Энгельса он видел в этатизме зло, а не средство достижения поставленной цели. Нас здесь интересует не программа Кропоткина для будущего общества, а его понимание «прошлых» обществ и исторического процесса. В то время как Маркс и Энгельс воспринимали историю как последовательность стадий, Кропоткин рассматривал ее с точки зрения преемственности основных человеческих добродетелей. Статья Кропоткина об анархизме в 11-м издании энциклопедии «Британника» за 1910 г. является классическим изложением исторического фона для его собственной социальной теории⁵.

Ключевой для нашей темы служит работа Кропоткина «Взаимопомощь: фактор эволюции»⁶. Она была задумана как ответ «социальным дарвинистам», которые видели в природе взаимную борьбу, оправдывавшую цели капитализма. Прослушав в 1880 г. лекцию русского зоолога Карла Фредеровича Кесслера «О законах взаимопомощи» и прочитав в 1883 г. «Происхождение человека» Дарвина, Кропоткин решил выдвинуть собственную версию дарвинизма⁷.

Среди других заслуживающих внимания работ можно назвать его заметки «Анархистский коммунизм» и «Государство»⁸. Первые были сначала напечатаны в «Девятнадцатом веке» как две отдельные статьи — «Научные основы анархии» и «Приближающаяся анархия». Уже в самих названиях этих статей отражена двойственная задача Кропоткина — научное, или теоретическое, понимание общества и практическое решение общественных проблем. Практическое решение было более легким, так как устранение государства представлялось ясной целью. Государство в свою очередь было проблематичным понятием. Для многих, включая некоторых анархистов, современников Кропоткина, *государство* и *общество* были синонимами. Кропоткин решительно выступал против этого допущения⁹. Путаница с объяснением их происхождения вытекает из возникшего в эпоху Просвещения понятия «социальный договор». По терминологии анархистов, оно означает, что коллектив индивидов сразу согласился с общественным и государственным господством. По Кропоткину же, общество предшествует государству, и понятие общества включает сообщества животных и человеческие общества «первобытного коммунизма». Кропоткин ставил знак равенства¹⁰ — в применении к «диким» народам — между взаимной поддержкой и обычным правом, но ни то, ни другое не предполагает понятия государственности. Затем он отделяет это понятие от «межплеменного» закона (кавычки его); последний характеризуется опасением нарушить территориальные притязания иных «диких» племен. Это право ему кажется аналогичным международному праву «у нас» и напоминает то, что сейчас бы назвали «территориальностью», особенно в отношении обществ охотников-собирателей.

Мое основное предположение состоит в том, что характеристика Кропоткиным бушменского общества как общества, обладающего похвальными чертами «первобытного коммунизма» и взаимопомощи, полезна и находит параллели в разных «лагерях» прошедших и текущих дискуссий. Мои цель и метод сопоставимы с уже проведенным анализом взглядов западных ученых на бушменов¹¹. В этой статье я намеренно становлюсь на позицию такой одиозной фигуры в бушменских исследованиях, как сэр Лоуренс ван дер Пост¹² только для того, чтобы показать, что воображение присуще научным работам не менее, чем описаниям путешествий и художественной литературе.

Может быть, это излишне, но я начну с часто цитируемых слов Ли и ДеВора, которые послужили мне эпиграфом к более ранней статье¹³: «Мы не можем не подозревать, что многих из нас привело к жизни и работе среди охотников чувство, что суть человеческих отношений там более прозрачна, чем в других типах обществ»¹⁴.

Это раннее рефлексивное утверждение показательно для исследований охотников-собирателей даже теперь, после еще шести конференций, посвященных «человеку-охотнику»¹⁵, и при растущем интересе к нынешнему положению «охотников» в современном мире. В этом утверждении — явное желание понять человечество через предполагаемые наиболее «гуманные» его формы, даже, пожалуй, желание прочувствовать утопию коммунизма, который когда-то приписывался североамериканским индейцам¹⁶, но который, как сейчас считается, можно обнаружить среди охотников Южной Африки скорее, чем где бы то ни было¹⁷.

Двумя специфическими вопросами в бушменской этнографии были и остаются *размеры власти* лидеров и *рамки дележа* как механизма перераспределения богатства и фактора, предотвращающего развитие социальной иерархии. В литературе содержатся противоречивые сведения о существовании «вождей», или «капитанов», как они часто именовались в ранних этнографических отчетах путешественников. Одним из первых подлинных этнографов, изучавших бушменов, была Доротея Блик. В 1920 и 1921 гг. она провела полевую работу среди нхаро (которых называла нарон) и южных кунг, или ау-эйси (ауэн), живших вдоль границы Бечуаналенда и Юго-Западной Африки. Комментарии Блик интересны, ибо незадолго до начала ее полевых изысканий произошел, как предполагает исследовательница, переход от иерархической к эгалитарной организации среди тех, кого она называла северными и центральными бушменами. «И у группы нарон (центральные бушмены), и у группы ауэн (северные бушмены) существовали вожди в те времена, когда старики были молодыми. Мужчины среднего возраста лишь помнили о них ...У южных бушменов не было вождей, отсутствовало и название для вождеского статуса... Среди нарон и ауэн нет классовых различий, и, за исключением знахарей, нет никаких профессий»¹⁸.

Сопоставим это положение с утверждением Силбербауэра, работавшего среди бушменов позднее. Его замечания относятся к гви, центральной группе, которая живет к востоку от нхаро в том месте, которое стало (по утверждению Силбербауэра) Центральнокалахарским заповедником для диких животных Ботсваны.

«Нет ни вождей, ни главарей, и каждый взрослый член общины имеет равные права с другими ее членами, живущими на территории группы, использовать всю найденную там пищу или сырье для изготовления орудий, оружия, жилищ, одежды и т. д. В управлении делами никто не обладает какими-либо преимуществами, опирающимися на более высокий статус, и, за исключением обязательств внутри родственной группы по отношению к старшим родственникам, ни один мужчина или женщина не подчиняется высшей власти кого-либо из членов группы»¹⁹.

Силбербауэр, как большинство его современников, подчеркивал отсутствие иерархии и господства индивидов или классов.

В другой работе²⁰ он отмечал консенсус как основу бушменской политической власти. По его мнению, власть заключается не в способности тех или иных индивидов силой достичь консенсуса, а в том, что они проникаются духом группы и прибегают к компромиссу, создавая условия для осуществления своих целей, когда наступит подходящий случай.

Действительно ли изменилась социальная организация бушменов или изменилось ее восприятие самими бушменами или европейцами? Действительно ли в этом отношении существует различие между севером и югом, как можно

предположить со слов Блик, или это различие зависит от соответствующего взгляда «северных» и «южных» этнографов. По-моему, Блик пыталась воспрепятствовать потенциальным претензиям, вытекающим из распространенных в ее время²¹ описаний бушменов. Она признавала, что в прошлом существовали вожди, хотя и приписывала эти утверждения своим бушменским информантам.

Не думаю, что Блик намеренно прибегала к фальсификации; похоже, она действительно видела бушменов сквозь призму работ своих предшественников, и ее информаторы были вынуждены выражать свое понимание мира через ее собственное. Миф ван дер Поста о мистическом единении с девственной природой — понятие, переполняющее современные этнографические описания, — был неизвестен во времена Блик. А понимание бушменов Кропоткиным основано на тех же работах, которые знала Блик²². Но он воспринимал бушменов как представителей первобытного коммунизма, а не иерархической социальной структуры. Он также полагал, что в бушменском обществе уже наблюдался упадок былой, высочайшей ступени взаимопомощи — пунгк, к которому я еще вернусь.

В источниках второй половины XX в. бушменское общество обычно характеризуется как общество, основанное на дележе. Типичны приводимые ниже высказывания Танаки о гана и гви и Маршалл о зугхасси, или центральных кунг.

По Танаке, «сплывающими и руководящими принципами эгалитарного общества сан являются принципы дележа и кооперации. Дележ и кооперация выходят за пределы семейной ячейки и включают всех членов стоянки, но все же тесно связаны с системой родства. Извне понятие идеологию равного дележа у сан очень трудно, а еще сложнее понять его практику. Именно этот момент доставил мне больше всего проблем, когда я стал жить среди сан»²³.

Маршалл утверждает: «Они жили в условиях определенного материального достатка. Они одалживали то, что не имели. В этих благоприятных условиях они не копили сокровищ и последние не стали ассоциироваться со статусом»²⁴.

Салинс²⁵ цитирует этот абзац из статьи Маршалл 1961 г. «Дележ, беседы и передача» (материальных ценностей.— А. Б.) как ключевой для своей теории общества первоначального изобилия. Маршалл при переиздании этой работы изменила последнее предложение, которое стало звучать так: «Я полагаю, что по этим причинам они не создавали постоянных запасов, не копили сокровищ, и владение последними не стало связываться с желанным статусом»²⁶. В первоначальном варианте Маршалл продолжала: «Они пресекали ревность и зависть, к которой склонны, путем передачи вещей другим людям»²⁷. В новом издании она уточняет: «...передавая другим людям предметы, которых можно было бы помогать»²⁸. Я сомневаюсь, что эти изменения означают существенные изменения в рассуждениях Маршалл или, еще менее, трансформации в самом обществе кунг. Все же они свидетельствуют о легком сдвиге акцента по отношению, во-первых, к созданию запасов, во-вторых, к причинам, в силу которых индивид мог захотеть передать предметы другим. Упомянув запасы, Маршалл на деле усиливает теорию Салинса, но это, конечно же, базируется на ее собственных данных. Говоря о зависти, она не только уточняет свое первоначальное утверждение, но и увеличивает достоверность наблюдений, сделанных за это время Ли, что общество кунг погрязло в спорах и насилии²⁹.

Слова Маршалл о жажде чужого слабо созвучны с прочтением Салинсом ее первоначального утверждения или с высказыванием Танаки, подчеркивавшего положительную роль дележа и соединявшего его с кооперацией. Слово «делег» — очень эмоциональное, и надо быть осторожным, чтобы не исказить его этнографический смысл. Развернутое описание Маршалл одновременно и приблизилось к описанию Салинса и удалилось от него, Танака же подхватил лишь один момент ее рассуждений — тот, который касался его как полевого исследователя. Возможно, стоит еще поразмыслить над тем, что группы, изучавшиеся Танакой, — гана и гви (бушмены Центрального Калахари) не имеют никакого понятия о *ксаро*, формализованном, растянутом во времени дарообмене вещами не утили-

тарного назначения. Их дележ менее формален и менее ограничен правилами или околородственным статусом, который определяет дарителей и получателей среди кунг и их непосредственных соседей³⁰.

Собственность и дележ среди кунг

По мнению Шаперы³¹, «хозяйственная жизнь общины, хотя и действительно приближается к разновидности коммунизма, на деле основывается на понятии частной собственности». Он указывает, что земля находится в общем владении, но движимой собственностью владеют индивидуально. Это относится и к мясу, растительной пище, воде³². В качестве примеров у исследователей бушменской этнографии обычно фигурируют центральные кунг, или зухгасси. В своей основной этнографической публикации Ли³³ делает акцент на отношениях производства как определяющих политику кунг. Хотя у кунг и есть термины, чтобы выразить понятия лидерства и власти («ксау нья» — «главарь» или «главный собственник»), у них нет формальных политических структур. Права на землю и ресурсы наследуются билатерально, и родственные связи создают рамки как для производства, так и для политической организации. Центральная группа родственников внутри каждой общины известна как «ксауси» (собственники), владеющие «ньюре» (территорией общины). Членство в центральной группе, более длительное проживание на территории, возраст и личные качества — все это позволяет претендовать на лидерство, но хвастовство и попытки демонстрировать власть не поощряются.

Практически все бушменские группы неизменно обладают системой универсальных родственных категорий³⁴. Эта идеология отнесения каждого к определенной категории родственников дает им механизм для распределения как движимой собственности, так и прав на естественные ресурсы³⁵. Другие формы социальной классификации, основанные на родстве или каком-то ином признаке, определяют социальные границы специфических сфер распределения. Маршалл³⁶ подчеркивает значение и родства, и дележа для поддержания кооперации внутри общины и между общинами. В частности, для общества кунг характерны строгие правила дележа мяса. С их помощью кунг распределяют добычу, полученную на охоте, среди удачливых охотников, неудачников и вообще неохотников. Охотники одалживают стрелы друг другу, и «собственником» убитого животного является владелец поразившей его стрелы, даже если оно было убито не им. Собственник делится мясом с другими охотниками, со своими свойственниками, с членами своей общины, а также часто с членами соседних общин. Тот, кто получает мясо, распределяет его среди домочадцев, тезок и некоторых других людей.

Маршалл делает также заключение об обмене неутилитарными вещами, но она не оговаривает точный механизм этих сделок. Спустя около 20 лет после полевой работы Маршалл, Виесснер продолжила исследование этого вопроса и обнаружила целую сеть такого обмена³⁷. Последняя получила название *ксаро*, которое в переводе с языка кунг приблизительно означает «одаривание в системе формализованного обмена». Ко времени вступления в брак у кунг среднего достатка бывает от 10 до 16 партнеров по *ксаро*, включая близких, а также дальних родственников и друзей, разбросанных по обширной территории³⁸. Система *ксаро* (растянутая во времени, сбалансированная зависимость) подразумевает, что партнеры по дарению находятся в состоянии взаимных прав на водные и растительные ресурсы³⁹. Формализованное дарение вне системы *ксаро* происходит при помолвке, женитьбе и первой стрижке волос у младенца⁴⁰. Два первых из перечисленных случаев, в которых происходит обмен дарами между породнившимися семьями, называются *камаси*. Они предполагают обязательную отработку за невесту со стороны жениха⁴¹.

Помимо внутреннего обмена у кунг издавна существуют торговые связи с народами, говорящими на языках банту, а также с нама и дамара, с другими

бушменскими группами⁴². Есть много свидетельств этому: вся страна зугхасси и области, прилегающие к ней, «кажутся пересеченными хорошо развитыми торговыми путями»⁴³. В отчетах Гордона и Вилмсена предполагается (хотя прямо об этом они не пишут), что этнографы были ослеплены желанием увидеть в кунг изолированные остатки первобытной чистоты, не затронутой более широкими экономическими структурами. Но означает ли последнее, что кунг или даже их более «аккультурировавшиеся» южные соседи давно утратили первобытный коммунизм и взаимопомощь?

«Коммунизм», «зачаточный капитализм» и «аккультурированные» бушмены

В определении первобытного коммунизма Ли⁴⁴ признает относительность эгалитаризма и подчеркивает как особый признак совместное владение землей, а не отсутствие иерархических институтов. По мнению Ли⁴⁵, даже в вождеских обществах сохраняются принципы первобытного коммунизма при наличии «полюбообщинной» социальной структуры⁴⁶.

В какой степени общество бушменов может считаться коммунистическим? Эта дилемма в середине 1970-х годов привела к ожесточенному спору между Элизабет Уайли и Х. Дж. Хайнцем.

Чиновник по делам бушменов Лиз Уайли⁴⁷ отстаивала точку зрения, что социальная организация бушменов демонстрировала принципы коллективной собственности и общинной воли, в то время как этнограф Хайнц⁴⁸ утверждал, что у них проявляются принципы частной собственности и свободного предпринимательства, характерные для «зачаточного капитализма».

Каждый интерпретировал собственный опыт жизни в поселении ксо в Бере. Уайли работала там учительницей, а Хайнц был спонсором и планировал программы (проект) развития, и оба считали, что хорошо понимают идеологию бушменов.

Хайнц внедрил скотоводство в Такатстваане, на главной дороге через Калахари в 1969 г. К 1971 г. он переселил ряд семей из Такатстваане в новое поселение в Бере, несколькими милями западнее. Еще при создании проекта у общины Бере был собственный колодезь довольно далеко от основной дороги Ганзи-Лобатсе. Разные компании вложили свои средства, и белые добровольцы из Южной Африки, Австрии, Западной Германии приехали помочь построить постоянные здания. По настоянию Хайнца семьи ксо из Окве были приглашены принять участие в осуществлении проекта. Единственное, что требовалось от каждой семьи, это иметь хотя бы одну корову. В то время Бере, в котором обитали две общины, происходившие из разных районов, было объявлено «закрытым» поселением.

С первых шагов реализации проекта были построены магазин и школа. Основание каждого из этих учреждений означало и успех, и начало непредвиденных трудностей. В магазине хозяйничала жена Хайнца, сама ксо, которая в силу своего поста и финансовой сметки попала в трудное положение внутри общины. А школа контролировалась Лиз Уайли, которая оказалась отличной учительницей. Ее идеи не совпадали с идеями Хайнца. Хайнц открыто внедрял в Бере капиталистические принципы, тогда как об Уайли говорили, что она «исповедует» принципы маоистского Китая. Их широко известная ссора закончилась тем, что Уайли оставила школу и была назначена первым в истории чиновником по делам басарва (бушменов) в Ботсване.

Сейчас Бере управляет правительство Ботсваны. Справедливости ради надо сказать, что ксо и не преуспевающие капиталисты, и не маоисты, хотя они могут быть названы, в том расплывчатом смысле, в котором использовал это выражение Кропоткин, «анархистскими коммунистами». Самая большая проблема с проектом Бере состояла в нежелании ксо уделять должное время скотоводству. Немногочисленность домашних животных также не позволяла жить на средства, полученные от скотоводства. Хайнц был прав в том, что экономика бушменов

строится в одинаковой степени и на индивидуализме, и на коллективизме. Но содержание очень маленьких стад (часто одно животное на семью) не дает возможности копить капитал путем продажи скота, тем более не может служить основной для капиталистической системы.

В более ранней работе ⁴⁹ я отмечал тенденцию покупать и продавать мясо, а не обменивать или делить его между группами нхаро в другом созданном по правительственному проекту поселении Ханахай, к северу от Бере. Примечательно, однако, что несмотря на новые правила покупки и продажи между социальными группами, которые раньше территориально объединялись как группы общин, эти нхаро бесплатно отдают мясо, совершенно в традиционном духе, внутри общин, составляющих такую группу. Существует искушение рассматривать отношения купли-продажи как индикатор социальных изменений просто потому, что этих связей не было прежде. Но вполне возможно, что они определяют давние разграничения между социальными и территориальными единицами, которые раньше вообще бы не стали контактировать друг с другом. С этой точки зрения неудивительно, что они покупают и продают мясо. Было бы весьма странно, если бы они отдавали мясо бесплатно за пределы группы общин, так как это означало бы более близкие отношения, чем люди хотели иметь или когда-либо имели.

Если бушмены и являются коммунистами, то их коммунизм ограничен «коммуной», которая сама определяется на уровне более высоком, чем община, но более низком, чем все общество нхаро в целом.

Первобытный коммунизм и бродяжнический этос

В сложном споре, который недавно прошел на страницах «Каррент антропологии», обсуждался и вопрос о первобытнокоммунистическом способе производства. Среди основных оппонентов в более широком смысле были, с одной стороны, Ричард Ли, Лорна Маршалл, Джордж Силбербауэр ⁵⁰, характеризовавшие бушменов как замкнутую общность («изоляционисты»), с другой — Уилмсен, Кармел Шрас, Джеймс Денбоу, Роберт Гордон ⁵¹, подчеркивавшие исторические контакты между бушменами и небушменами («интеграционисты» или «ревизионисты»). Представители первой точки зрения Жаклин Солвей и Ричард Ли ⁵² в своей серьезной работе склоняются к ревизионистской точке зрения в признании исторических связей, но все же отбрасывают радикальный критицизм тех, кто отрицает существование способа производства, основанного на бродяжничестве или дележе. Последних представляют Эдвин Уилмсен и Джеймс Денбоу ⁵³, которые критикуют Солвей и Ли за то, что те остановились на полпути, а также за неточность терминологии.

Уилмсен и Денбоу, в частности, обвиняют Ли в том, что он изменил характеристику бушменов: теперь он говорит об общинном способе производства, а прежде — о бродячьем. В работе 1981 г. Ли ⁵⁴ поставил вопрос о том, что он называл «бродячим способом производства», а в работе 1988 г. обратил внимание на существование первобытного коммунизма ⁵⁵. В обоих случаях он доказывает, что соответствующий способ производства существует. Кажется, это вызывает недоумение у Уилмсена и Денбоу, так как они делают акцент на внешней торговле, но недоумение это можно снять. Главное, что имеют в виду Солвей и Ли ⁵⁶: бродячий образ жизни и общинный строй обычно сочетаются друг с другом, но общинный строй не обязательно быстро отмирает, когда бродяжничество уступает место другим способам жизнеобеспечения.

В «бродяжнической» модели Ли основанные на классах способы производства включают классические докапиталистические: азиатский, феодальный и рабовладельческий. Бесклассовые в своей основе способы производства объединены в общинный способ производства, который имеет три формы — протоданнический, примитивно-земледельческий и бродяжнический. Согласно Ли, примитивно-зем-

ледельческий является переходным способом производства. Он определяет простых земледельцев как «эгалитарных» и «примитивных коммунистов», но замечает, что с ростом населения и увеличением размеров общества системы «большого человека», линиджа и вожества быстро сменяют первобытный коммунизм. Ли, как и Тестар, подчеркивает тот факт, что не все охотники-собиратели относятся к эгалитарным обществам. По этим причинам Ли оговаривает, что он исключает из бродяжнического собирательского способа производства общества охотников-собираателей северо-западного побережья Северной Америки, чья иерархия происходит от необычно высокой производительности труда.

Вместо этого я предлагаю говорить о бродяжническом способе мышления, который связан как с общинными, так и с индивидуальными интересами. Этот способ мышления сохраняется после того, как люди оставляют охоту и собирательство в качестве единственного способа жизнеобеспечения.

Бродяжничество находит отражение в этосе бушменского общества даже тогда, когда группы охраняют колодцы, стада, содержат домашних животных и выращивают злаки. Бушмены, живущие на периферии более крупного небушменского общества, обычно являются охотниками-собираателями. Для них наемный труд и сезонные изменения в способах жизнеобеспечения являются всего лишь широкомасштабными стратегиями бродяжничества⁵⁷.

Если концепция способа производства вообще имеет какой-либо смысл, он — в характеристике именно такого типа деятельности в отличие от охоты-собираательства как одного только «средства производства». Бушмены — «бродячее население» во многих смыслах. Их способы расселения и использование территории нацелены на бродяжничество в более широком смысле, чем просто поиски еды. Категории родства и отдаривания включают социальное «бродяжничество» для родственников и для отношений обмена⁵⁸. Их религиозная идеология характеризуется как «охота» за идеями⁵⁹. Даже кой-койнское слово «саан» или «сан», служащее этнонимом бушменов, означает просто «бродяги» — со всеми негативными и позитивными оттенками, которые подразумевает бродяжничество⁶⁰. Особая ирония состоит в том, что этот термин предпочитают и Ли (который называет этих людей «сан»), и Уилмсен (именует их «народы, говорящие на языках сан»), в то время как большинство других специалистов вернулись к иным названиям — чаще всего «бушмены».

Возможно, это означает, что используемая Уилмсеном особая версия термина, призванная избежать специфически этнической (в отличие от лингвистической) идентификации, отодвигает термин «народы, говорящие на языках сан», еще дальше от характеристики их деятельности и уничижительных оттенков, которые в прошлом и послужили основой для их наименования.

Вопрос о том, кого называть бушменами, также является предметом продолжающегося спора, имеющего длительную историю. Первое зарегистрированное употребление этого термина было, кажется, в 1682 г., в журнале Олафа Берга⁶¹. В первые годы голландского поселения на Мысе, «соакуа» или «сонкуа» (мужская форма множественного числа у кой-койн, «сан» — множественное число обоих родов), похоже, было более принятым, но «босьесманы», «бушмены» и в некоторые периоды другие варианты стали господствовать к концу XVIII в. Питер Колб (или Колбен), например, упоминал «неких готтентотских бандитов, называемых бушменами или людьми с большой дороги»⁶². Отчет Колбена, на деле исключительно дружелюбный и весьма информативный, был, возможно, гораздо лучше известен в XVIII, чем в XX в. С XVII по XIX в. бушменов часто описывали как часть готтентотского общества, и, действительно, в конце XX в. в работах некоторых «ревизионистов» (например, Шрайер) предлагается вернуться к этой точке зрения.

Кропоткин использовал Колба в качестве основного источника о кой-койн или готтентотах⁶³. Кропоткин пишет, что кой-койн «в социальном смысле» такие же, но «немного более развитые», чем бушмены. Действительно, на основе

описанных Колбом «готтентотов» он делает обобщения, относящиеся почти ко всем «дикарям» и касающиеся главного момента — дележа пищи.

Если что-нибудь дается готтентоту, он сразу же делит это среди всех присутствующих — обычай, который, как известно, так поразил Дарвина среди огнеземельцев. Он не может есть в одиночестве и, как бы ни был голоден, созывает тех, кто проходит мимо, чтобы разделить с ними пищу. И когда Колбен выразил свое удивление этим, он получил ответ: «Это готтентотская манера». Но это не только готтентотская манера, это всего лишь общий обычай среди «дикарей»⁶⁴.

Кропоткин приводит высказывания Колбена, характеризующие мораль койкоин, например «одно из величайших удовольствий готтентотов, несомненно, состоит в их дарах и добрых услугах друг другу»⁶⁵. От готтентотов Кропоткин переходит к коренным жителям Австралии, папуасам, эскимосам и т. д. Эскимосы получают особую похвалу за свой «коммунизм»⁶⁶, который, по мысли Кропоткина, быстро исчезал вследствие иностранного влияния, как и «коммунизм» бушменов.

Здесь есть две взаимосвязанные проблемы: во-первых, проблема исчезающей культуры; во-вторых, проблема границы между охотниками-собирающими и скотоводами, столь важной для современной антропологии, что она заслоняет более очевидное единство, которое позднее стало называться культурой койсан. Первая проблема проста. Культуры всегда «исчезают» сразу же после того, как их изучили. Это явление постоянно происходит во всем мире с такой же частотой, как, скажем, то, что каннибалов находят исключительно по другую сторону холма, а не среди себе подобных⁶⁷.

Вторая проблема состоит в том, что современные антропологи не могут признать регион койсан в качестве культурного единства. Это единство, кажется, было очевидным для Колба и, я думаю, для Кропоткина, но, к сожалению, его не найти в последних работах авторов, составивших два «лагеря» «великой бушменской дискуссии».

Золотой век дележа

Прайс⁶⁸ и Бирд-Дэвид⁶⁹ привлекли внимание к различиям между «дележом» и «взаимностью». Дележ определяется как внутренний, интеграционный процесс одаривания без ожидания возврата и напоминает понятие «обобщенной взаимности», употребляемое Салинсом. Оно часто встречается среди маленьких коллективов, подобных охотничье-собираческим общинам. Кроме того, оно «может быть найдено повсюду в той или иной степени и в разных формах, так же как и сбалансированная и негативная взаимность»⁷⁰. Действительно, дележ мог бы быть «наиболее общей формой экономического поведения человека, отличной от взаимности и более важной, чем она»⁷¹. Прайс и Бирд-Дэвид определяют взаимность как дарение с ожиданием отдачи — «дар», как его представлял Мосс.

Рассматривать охотников-собираателей как общество, имеющее своеобразные политические и прежде всего экономические формы организации, стало уже общим местом, а дележ считают особенно важным в обществах охотников-собираателей. Однако, хотя некоторые из типичных черт их социальной структуры более свойственны койсанцам охотникам-собираателям, чем койсанцам скотоводам, все же между ними существует сходство, которое до сих пор ускользало от внимания. В обществах койсан и дамара институционализированные дарение и дележ мяса так же распространены, как и среди бушменов. Аналогично брачный обмен, включающий передачу материальных ценностей, часто называют типичной чертой скотоводческих обществ, но его находят и среди охотников-собираателей Калахари⁷². Существование практики «дележа» среди койкоин и «взаимности» среди бушменов (в том смысле, в котором это понятие используют Прайс и Бирд-Дэвид) должно заставить нас пересмотреть представление о том, что образует типичное «охотничье» или «пастушеское» общество и действительно ввести понятие общей для всех койсан системы экономических институтов.

Интересно, что Кропоткин знал об этом и точно выразил этот взгляд в своей

очень короткой заметке о взаимопомощи среди бушменов и кой-коин. Большинство современных попыток провести границу между «нашим» и «другими» типами общества привели к тому, что эту границу поместили как раз посередине между кой и сан. Однако это не только вопрос об «охотниках-собираателях» и «других». Золотой век дележа определяют по-разному, то уже, чем век охотников-собираателей ⁷³, то шире ⁷⁴. Выделение Вудберном «единовременной отдачи» — наиболее узкое и включает только общества, которые не совершенствуют прочее производство, будь то в форме сложного оборудования, хранилищ или даже вложений через брачный обмен. Последний пункт исключает австралийских аборигенов. Тестар же, напротив, рассматривает аборигенов как типичный случай. Ли выделяет более широкую категорию, к которой принадлежат общества, верные идеологии бродяжничества, но тщательно исключает отдельные общества, которым этой идеологии не хватает. Так, подобно Вудберну и Тестару, он исключает тех охотников-собираателей, у которых установилась иерархическая социальная структура (т. е. индейцев северо-западного побережья Северной Америки). Понятие «домашнего способа производства» Салинса включает как охотничье-собираательские, так и другие общества, которые производят меньше, чем способны производить, иными словами, тех, для кого свободное время дороже богатства.

Я предпочитаю для понятия «дележ» термины, связанные с культурой и идеологией. Мое видение бродяжнического этоса мало отличается от видения Ли, за исключением того, что я не рассматриваю этот этос как производное в каком-либо смысле от способа производства того общества, в которое охотники-собираатели включены. Его можно было бы с таким же успехом применить к сан, живущим в любом обществе. Очень схематично (с помощью двойной линии) я показываю, как представляли себе «золотой век дележа» разные теоретики.

Золотой век дележа

Вудберн, 1980, 1982	Экономика немедленного результата	Экономика отодвинутого во времени результата		
Тестар, 1981, 1982	Экономика без запасов	Экономика запасов		
Ли, 1981, 1988, 1990	Бродячий или общинный способ производства	Другие способы производства		
Ли и ДеВор, 1968	Охота и собирательство	Другие способы жизнеобеспечения		
Барнард, эта статья	Этос бродяжничества	Этос накопления		
Салинс, 1972 [1974]	Домашний способ производства	Другие способы производства		
Кропоткин 1987 [1902]	Дикари	Варвары	Средневековый город	Мы сами

Тим Ингольд — один из тех, кто разделяет с Кропоткиным идею преемственности между животным миром и человеческим обществом ⁷⁵. В концепции Ингольда подчеркиваются как преемственность, так и контраст между ними. Я согласен со многими частными взглядами, которые он высказывает, но использование им термина «бродяжничество» в применении лишь к сообществам животных ставит под сомнение высказанные выше идеи. Статьи Ингольда «Охотник-собираатель, добытчик-хищник» и «Добыча, присвоение и кооперация» ⁷⁶, как видно из их названий, проводят дифференциацию, полезную для выделения контрастов в поведении и идеологии, особенно между животными и человеком. Однако они заслоняют сходство и, что более важно, делают нежелательный (для наших задач) акцент на целенаправленный характер человеческой деятельности.

Именно идея «бродяжничества» как непреднамеренного акта характеризует бушменское общество, и не совсем в том буквальном смысле, в каком его

использует Ингольд, а скорее в отсутствии заботы о конкретных результатах деятельности. Когда бушмен уходит на охоту, он обязательно остановится, чтобы собрать ягоды или орехи⁷⁷. Он может даже принести немного домой, особенно, если сама охота была неудачной. В свою очередь его жена может выйти собрать хворост и вернуться с корешками для приготовления еды, если она на них натолкнется. Вопреки Ингольду термин «бродяжничество» полезен как описание такого рода деятельности. Более того, он полезен для обозначения этоса и идеологии бушменского общества.

Итоговая характеристика бушменского общества

Бушменское общество исследовали и характеризовали весьма различно. Приведенный ниже перечень представляет лишь некоторые из характеристик, данные разными авторами после Кропоткина.

1. Первобытный коммунизм или 2 — зачаточный капитализм.
3. Взаимопомощь или 4 — анархия (в негативном смысле).
5. Всеобщее родство или 6 — экономика немедленного результата.
7. Бродяжнический способ производства или 8 — домашний способ производства.
9. Естественная чистота, с мистическим ощущением природы или 10 — технологическая простота, сочетающаяся с изобретательством, вызванным бродяжническим этосом.
11. Изоляция от более широкой региональной политико-экономической системы Южной Африки или 12 — интеграция в эту систему в качестве торговцев, наемных работников и слуг.

Некоторые из этих определений противоречат друг другу. Действительно, в приведенном списке я намеренно поместил парами характеристики, которые можно рассматривать как противоположные: первобытный коммунизм/зачаточный капитализм и т. д., хотя не все пары столь же противоположны. Однако появляются характеристики, которые отражают альтернативное понимание или непонимание бушменского общества. Бушмены богаты или бедны? Агрессивные или мирные? Практичны или мистичны? Традиционно изолированные от своих соседей или интегрированные в сеть широко раскинутых торговых связей? В некотором смысле каждая из этих оппозиций выражает противоречивую сущность бушменского общества. Они бедны, потому что хотят многого, богаты, потому что их потребности немногочисленны. Агрессивны, так как уровень убийств довольно высок, мирные, потому что в живой памяти сохранилось мало воспоминаний о войне. Практичны, так как успешно адаптированы к естественному окружению и к меняющимся социальным условиям. Мистичны, так как их адаптация к природе выражает гармонию, которой не хватает «развитым» обществам. Традиционно изолированные, в том смысле, что и они сами, и небушмены определяют их через их отношение к природе, интегрированные в том смысле, что они издавна торговали и делили свою землю и ресурсы с членами других этнических групп.

Каждое положение определяет различные аспекты одного и того же явления. На языке компонентного анализа все эти определения дополняют смысл в той же мере, в какой сами имеют смысловое значение. Используя их, антропологи и другие специалисты не просто описывают, но и составляют образы. В этом особом случае они отдают предпочтение некоторым классическим областям антропологического знания — экономике, политике, системе родства или даже религии (ван дер Пост) перед другими. Я не думаю, что Вудберн, Салинс, ван дер Пост или я сам существенно расходимся во мнениях о природе охотников-

собирателей или бушменского общества. Но мы можем различаться тем, как мы их описываем.

Это не означает, что бушмены действительно не являются анархистами и коммунистами. Они одновременно и то и другое и не то и не другое. То и другое, когда их подводят под абстрактные определения, составленные теми, кто живет в других обществах. Они не то и не другое в том смысле, что определения «сконструированы» по аналогии с другими обществами. Они коммунисты, потому что совместно распоряжаются землей. Они некоммунисты, потому что индивидуально владеют движимым имуществом. Они анархисты, потому что у них нет никаких местных повелителей. Они неанархисты, потому что признают и уже давно признавали господство соседних племенных вождей, колониального или национального государства. Они, конечно же, не более анархисты, чем африканеры конца XIX в., которые переселялись на север, чтобы скрыться сначала от британского, а позднее от республиканского правления⁷⁸. Работники на ранчо Ганзи, которые живут среди восточных нхаро и южных кунг, также претендуют на звание «анархистов Калахари».

Заключение

Описания, доступные Шапере, когда он готовил великолепную работу «Койсанские народы Африки», дают основание предположить, что у койкоин и у бушменов существовала система общинного владения землей. Но несмотря на это, Шапера⁷⁹ отбросил идею, что эта система или широко распространенные системы дележа и обмена едой, скотом и предметами материальной культуры указывают на своего рода подлинный «коммунизм», тогда как более ранние авторы (например, фон Франсуа)⁸⁰ полагали, что он существовал. Этот случай, кажется, часть более широкого явления. Как, наконец, намекнули Ли и Ликок⁸¹, хорошо подобрав многие этнографические примеры, у антропологов, писавших в десятилетия, последовавшие за большевистской революцией, было совсем иное понятие о «первобытном коммунизме», чем у тех, кто писал до нее. В общем у термина было много политических оттенков до этого события, а после него стало считаться, что только марксисты способны его использовать. Авторитарные коммунисты не только захватили государство, они присвоили себе и слово «коммунизм» во всех его значениях. Их интеллектуальные последователи ревниво охраняют его до сего дня, в то время как другие избегают употреблять его, опасаясь, как бы их не заклеили марксистами или еще как-то похуже.

Работа Кропоткина «Взаимопомощь» была одновременно «примитивистской» и эволюционистской. Она воскрешает прошлые времена, которые в настоящее время представляются тайлоровскими пережитками. Взаимопомощь обнаружена и во всех человеческих обществах, и в природе, т. е. в сообществах животных. И все же, как это ни выглядит противоречиво, понимание Кропоткиным бушменского общества в действительности ближе к точке зрения «ревизионистов» (Уилмсен, Шрас, Денбоу, Гордон), чем «изоляционистов» (Ли, Маршалл, Танака, Силбербауэр). В обращении к английским анархистам в 1888 г.⁸² Кропоткин описал «анархо-коммунизм» просто как комбинацию двух «великих движений» XIX в.: «свободы индивида» и «социальной кооперации в рамках всего общества». И стоит подумать о том, что описание Кропоткиным обществ, которые он считал «коммунистическими», могут и ныне служить моделью для этнографических общностей, если не программой политических действий.

Примечания

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на ежегодной конференции Ассоциации социальных антропологов Содружества (Кембридж, Англия, апрель 1991 г.). Выражаю искреннюю благодарность Адаму Куперу и Эдвину Н. Вильмсену за замечания к первоначальному тексту статьи.
Kropotkin P. Mutual Aid: A Factor of Evolution. L., 1987. [1902]. P. 83.

³ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Там же. Т. 21.

⁴ Немногие антропологи подхватили идею применить анархистский подход к изучению обществ охотников-собираателей. Гораздо больше было тех, кто последовал марксистскому методу. Один из немногих — Пьер Кластр, который развил уникальную систему взглядов на в корне различные формы и место власти в «примитивном» и «государственных» обществах. Кластр придает большее, чем Кропоткин, значение политической сфере по сравнению с экономической (в той степени, в которой эти сферы можно разделить). Еще одним исключением является Гарольд Барклей, чья публикация «Народ без правительства» на деле — переписанная работа П. А. Кропоткина «Взаимная помощь». И хотя Барклей использует современные этнографические и антропологические примеры, его работе не хватает силы убеждения, свойственной шедевр Кропоткина. Более серьезная попытка исследования обществ охотников-собираателей была предпринята политологом Микаэлом Тейлором, но в его тексте мало говорится о «примитивном коммунизме» и ему не удается понять этос «примитивных» общин, которые он описывает. Поэтому в качестве своего гида я выбираю Кропоткина, а не его соратников-анархистов.

⁵ См.: *Kropotkin P. Anarchism and Anarchist Communism*/Ed. Walter N. L., 1987. P. 7—22.

⁶ *Kropotkin P. Mutual Aid...*

⁷ Ibid. P. 13—14; *idem. Act for Yourselves*//*Articles from Freedom. 1886—1907*/Eds. Walter N., Becker H. L., 1988. P. 298—301.

⁸ *Kropotkin P. Anarchist Communism: Its Basis and Principles*//*Kropotkin P. Anarchism and Anarchist Communism; idem. The State: Its Historic Role* (Translated from the French). L., 1887.

⁹ *Kropotkin P. The State...*

¹⁰ *Kropotkin P. Mutual Aid...*

¹¹ *Barnard A. The Lost World of Lawrens van der Post*///*Current Anthropol.* 1989. № 30. P. 104—114.

¹² *Van der Post L. The Lost World of the Kalahari.* L., 1958; *idem. The Heart of the Hunter.* L., 1961.

¹³ *Barnard A. Op. cit.*

¹⁴ *Lee R., DeVore I. Problems in the Study of Hunters and Gatherers*//*Lee R., DeVore I. Man the Hunter.* Chicago: Aldine, 1968. P. 3—12.

¹⁵ Международные конференции об обществах охотников-собираателей прошли в Париже (1978 г.), Квебеке (1980 г.), Бад Хомберге (1983 г.), Дарвине (1988 г.) и Фэрбанксе (1990 г.). Первая конференция «Человек-охотник» состоялась в Чикаго в 1966 г.

¹⁶ Например: *Morgan L. Houses and House-Life of the American Aborigines.* Chicago, 1965 [1881].

¹⁷ *Barnard A. Contemporary Hunters-Gatherers: Current Theoretical Issues in Ecology and Social Organization*//*Ann. Rev. Anthropol.* 1983. № 12. P. 193—214.

¹⁸ *Bleek D. F. The Naron: A Bushman Tribe of the Central Kalahari.* Cambridge, 1928. P. 36—37.

¹⁹ *Silberbauer G. Report to the Government to Bechuanaland on the Bushman Survey.* Gaberones (Gaborone), 1965.

²⁰ *Silberbauer G. Political Process in G/wi Bands*//*Politics and History in Band Societies*/Eds Leacock E., Lee R. Cambridge, 1982. P. 23—35.

²¹ Например: *Guenther M. From «Brutal Savages» to «Harmless People»: Notes on the Changing Western Image of the Bushmen*//*Paideuma.* 1980. № 26. P. 123—140.

²² Знание Кропоткиным бушменского общества было почерпнуто из вторых рук. Напротив, Доротея Блик выросла вместе с бушменами. Ее отец Вильгельм Блик был наиболее выдающимся мировым авторитетом по бушменским языкам и фольклору. Он умер, когда Доротея было всего 4 года, но его работа в этих областях была продолжена тетей Доротеи Люси Ллойд и в конечном итоге самой Доротеей.

Скорее всего основным источником по бушменам для Кропоткина был второй том шеститомного исследования Вайтца (*Waitz Jh. Anthropologie der Naturvölker.* В. II: *Die Negervölker und ihre Verwandten.* Lpz., 1860). Из первоисточников он цитировал Лихтенштейна (*Lichtenstein M. Reisen in südlichen Afrika in dem Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806.* 2 Vols. B., 1811—1812), Фритча (*Fritsch G. Drei Jahre in Süd-Afrika.* Breslau, 1868; *idem. Die Eingeborenen Süd-Afrikas.* Breslau, 1872 [1863] и В. Блика (*Bleek W. A Brief Account of Bushman Folklore and Other Texts.* Cape Town, 1875); упоминает мимоходом Филипа (*Philip J. Researches in South Africa. Illustrating the Civil, Moral and Religious Condition of the Native Tribes.* 2 Vols. L., 1828), Берчелла (*Burchell W. J. Travels in the Interior of Southern Africa.* 2 Vols. Glasgow, 1822—1824) и Моффета (*Moffat R. Missionary Labours and Scenes in Southern Africa.* L., 1842), работы которых использовал Вайц. Кропоткин ссылается также на 19-томную «Универсальную географию» Элизе Реклю (*Reclus E. La Nouvelle geographie universelle, la terre et les hommes.* 19 vols. P., 1878—1894). Как и Кропоткин, Реклю был географом и анархистом, и оба тесно сотрудничали в Международном товариществе рабочих (1-м Интернационале) во Франции в 1870-х годах.

²³ *Tanaka J. The San, Hunter-Gatherers of the Kalahari* (Trans. D. Hughes). Tokio, 1980. P. 95—96.

²⁴ *Marshall L. Sharing, Talking, and Giving: Relief of Social Tensions among !Kung Bushmen*//*Africa.* 1961. № 31. P. 231—249 (Reprinted, with Amendments, in Marshall 1976). P. 243—244.

²⁵ *Sahlins M. Stone Age Economics.* L., 1974 [1972]. P. 9—10.

²⁶ *Marshall L. The !Kung of Nyae Nyae.* Cambridge, 1976. P. 308—309.

²⁷ *Marshall L. Sharing, Talking, and Giving...* P. 244.

²⁸ *Marshall L. The !Kung of Nyae Nyae.* P. 309.

- ²⁹ Lee R. Subsistence Ecology of !Kung Bushmen. Ph. D. Dissertation, University of California at Berkeley. 1965; *idem*. The !Kung San: Men, Women, and Work in a Foraging Society, Cambridge, 1979. P. 370—400; Draper P. The Learning Environment for Agression and Antisocial Behavior among the !Kung//Learning Nonaggression: The Experience of Non-Literate Societies/Ed. Montagu A. N. Y., 1978. P. 31—53.
- ³⁰ Barnard A. The Kin Terminology System of the Nharo Bushmen//Cahiers d'Etudes Africaines. 1970. V. 18(4). № 72. P. 625—626.
- ³¹ Schapera J. The Khoisan Peoples of South Africa: Bushmen and Hottentots. L., 1930. P. 147.
- ³² Ibid. P. 147—149.
- ³³ Lee R. The !Kung San... P. 333—400.
- ³⁴ Barnard A. Universal Systems of Kin Categorization//African Studies. 1978. № 37. P. 69—81.
- ³⁵ См.: Keenan J. The Concept of the Mode of Production in Hunter-Gatherer Societies//The Anthropology of Pre-Capitalist Societies/Eds. Kahn J., Llobera J. L., 1981 (1977). P. 2—21.
- ³⁶ Marshall L. The !Kung of Nyae Nyae. P. 156—312.
- ³⁷ Wiessner P. Hxaro: A Regional System of Reciprocity for Reducing Risk among the !Kung San (2 Vols.). Ph. D. Dissertation. University of Michigan. Ann Arbor, 1977; *idem*. Risk, Reciprocity and Social Influence on !Kung San Economics//Politics and History in Band Societies/Eds Leacock E., Lee R. Cambridge, 1982; *idem* !Kung San Networks in a Genetical Perspective//The Past and Future of !Kung Ethnography: Critical Reflections and Symbolic Perspectives, Essays in Honour of Lorna Marshall/Eds Biesele M., Gordon R., Lee R. Hamburg, 1986. P. 103—136.
- ³⁸ Wiessner P. Risk, Reciprocity and Social Influence... P. 72—74.
- ³⁹ Ibid. P. 74—77.
- ⁴⁰ Marshall L. The !Kung of Nyae Nyae.
- ⁴¹ Lee R. The Dobe !Kung. N. Y., 1984.
- ⁴² См. например: Wilmsen E. Historical Process in the Political Economy of San//Sprache und Geschichte in Afrika. 1986. № 7(2). S. 413—432.
- ⁴³ Gordon R. The !Kung in the Kalahari Exchange: An Ethnohistorical Perspective//Past and Present in Hunter-Gatherer Studies/Ed. Shrire C. Orlando, 1984. P. 195—224.
- ⁴⁴ Lee R. Reflections on Primitive Communism//Hunters and Gatherers/Eds Ingold T., Riches D., Woodburn J. V. 1: History, Evolution and Social Change. Oxford, 1988.
- ⁴⁵ Ibid. P. 254—255.
- ⁴⁶ Cp.: Testart A. Le Communisme primitif. I: Economie et idéologie. P., 1985; Flanagan J. Hierarchy in Simple «Egalitarian» Societies//Ann. Rev. Anthropol. 1989. № 18. P. 245—266; Gulbrandsen Ø On the Problem of Egalitarianism: The Kalahari in Transition//Ecology of Choice and Symbol/Eds Gronhaug R., Henriksen G., Haaland G. Bergen (In Press).
- ⁴⁷ Wily E. An Analysis of the Bere Bushman Settlement Scheme. Report to the Ministry of Local Government and Lands. Gaborone, Botswana, 1973; *idem*. Bere as a Prototype for Further Development. Report to the Ministry of Local Government and Lands. Gaborone, Botswana, 1973.
- ⁴⁸ Heinz H. Experience Gained in a Bushman Pilot Settlement Scheme (Interim Report). Johannesburg, 1970.
- ⁴⁹ Barnard A. Rethinkings Bushman Settlement Patterns and Territoriality//Sprache und Geschichte in Afrika. 1986. № 7(1). S. 41—60.
- ⁵⁰ Lee R. The !Kung San...; Marshall L. The !Kung of Nyae Nyae; Silberbauer G. Hunter and Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge, 1981.
- ⁵¹ Wilmsen E. The Ecology of an Illusion: Anthropological Foraging in the Kalahari//Rev. in Anthropol. 1983. № 10. P. 9—20; *idem*. Land Filled with Flies: a Political Economy of the Kalahari. Chicago; London, 1989; Shrire C. An Inquiry into the Evolutionary Status and Apparent Identity of San Hunter-Gatherers//Human Ecology. 1980. № 8. P. 9—32; Denbow J. Prehistoric Herders and Foragers of the Kalahari: The Evidence of 1500 Years of Interaction//Past and Present in Hunter-Gatherer Studies/Ed. Shrire C. Orlando. 1984. P. 175—193.
- ⁵² Solway J., Lee R. Foragers, Genuine or Spurious? Situating the Kalahari San in History//Current Anthropol. 1990. № 31. P. 109—146.
- ⁵³ Wilmsen E., Denbow J. Paradigmatic History of San-Speaking Peoples and Current Attempts at Revision//Current Anthropol. 1990. № 31. P. 489—524.
- ⁵⁴ Lee R. Is There a Foraging Mode of Production?//Canad. J. Anthropol. 1981. № 2(1). P. 13—19.
- ⁵⁵ Lee R. Reflections on Primitive Communism; *idem*. Primitive Communism and the Origins of Social Inequality//The Evolution of Political Systems: Sociopolitics in Small-Scale Societies/Ed. Upham S. Cambridge, 1990.
- ⁵⁶ Solway J., Lee R. Op. cit. P. 119.
- ⁵⁷ Guenther M. From Foragers to Miners and Bands to Bandits: On the Flexibility and Adaptability of Bushman Band Societies//Sprache und Geschichte in Afrika. 1986. № 7(1), Moizafé P. Whither the «True Bushmen»: The Dynamics of Perpetual Marginality//ibid.; Barnard A. Cultural Identity, Ethnicity and Marginalization among the Bushmen of Southern Afrika//New Perspectives on Khoisan/Ed. Vossen R. Hamburg, 1988.
- ⁵⁸ Barnard A. The Kin Terminology System of the Nharo Bushmen; *idem*. Universal Systems of Kin Categorization; Wiessner P. Hxaro: A Regional System...
- ⁵⁹ Guenther M. Bushman Religion and the (Non)Sense of Anthropological Theory of Religion//Sociologus.

1979. № 29; Barnard A. Structure and Fluidity in Khoisan Religious Ideas//J. Religion in Africa. 1988. № 18.
- ⁶⁰ Guenther M. «San» or «Bushmen»?//The Past and Future of !Kung Ethnography: Critical Reflections and Symbolic Perspectives, Essays in Honour of Lorna Marshall/Eds Bieseke M., Gordon R., Lee R. Hamburg, 1986.
- ⁶¹ Wilson M. L. Notes on the Nomenclature of the Khoisan//Annals of the South African Museum. 1986. № 97(8). P. 257.
- ⁶² Kolben [Kolb] P. The Present State of the Cape of Good-Hope. 1731. V. 1. L., 1731 (Trans. Medley G.).
- Kropotkin P. Mutual Aid... P. 84, 85. Хотя сейчас много дискуссий среди специалистов по региону о правильном названии южноафриканских охотников-собираателей, существует общее согласие, что скотоводы, говорящие на языке кой, не должны больше называться готтентотами, так как этим словом злоупотребляют в Южной Африке. Койкосин (дословно «люди из людей») — самообозначение, которое обычно исключает лингвистически родственных охотников-собираателей.
- ⁶⁴ Kropotkin P. Mutual Aid... P. 84.
- ⁶⁵ Kolben [Kolb] P. Op. cit. P. 89—90.
- ⁶⁶ Kropotkin P. Mutual Aid...
- ⁶⁷ Arens W. The Man-Eating Myth: Anthropology and Anthropophagy. Oxford, 1979.
- ⁶⁸ Price J. Sharing: The Integration of Intimate Economies//Anthropologica (n. s.). 1975. № 17.
- ⁶⁹ Bird-David N. The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherers-Hunters//Current Anthropol. 1990. № 31.
- ⁷⁰ Ibid. P. 195.
- ⁷¹ Price J. Op. cit.
- ⁷² Barnard A. Sex Roles among the Nharo Bushmen of Botswana//Africa. 1980. № 50 P. 115—124; Lee R. The Dobe !Kung. N. Y., 1984. P. 74—77.
- ⁷³ Woodburn J. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past Soviet and Western Anthropology/Ed. Gellner E. L., 1980. P. 95—117; *idem*. Egalitarian Societies//Man (n. s.) 1982. № 17. P. 431—451; Testart A. Pour une Typologie des Chasseurs-Gueilleurs//Anthropologie et Societes. 1981. № 5(2). P. 117—221; *idem*. Les Chasseurs-Cueilleurs ou l'Origine des inegalites. P. 1982; Lee R. Is There a Foraging Mode of Production? *idem*. Reflections on Primitive Communism; *idem*. Primitive Communism and the Origins of Social Inequality.
- ⁷⁴ Sahlins M. Stone Age Economics.
- ⁷⁵ Ingold T. Notes on the Foraging Mode of Production//Hunters and Gatherers/Eds Ingold T. Riches D., Woodburn J. V. 2: Property, Power and Ideology. Oxford, 1988.
- ⁷⁶ Ingold T. The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations. Manchester, 1986. P. 79—100, 101—129.
- ⁷⁷ Barnard A. Sex Roles among the Nharo Bushmen of Botswana. P. 116—117.
- ⁷⁸ Russel Margo, Russel Martin. Afrikaners of the Kalahari: White Minority in a Black State. Cambridge, 1979.
- ⁷⁹ Schapera J. Op. cit. P. 319, 321.
- ⁸⁰ Von Francois H. Nama und Damara. Deutsch Süd-West Afrika. Magdeburg, 1896. P. 222.
- ⁸¹ Lee R. Primitive Communism and the Origin of Social Inequality. P. 231—236; Leacock E. Primitive Communism//A Dictionary of Marxist Thought/Ed. Bottomore T. Oxford, 1983.
- ⁸² Kropotkin P. Memoirs of a Revolutionist. L., 1988 [1899]. P. 102.

Primitive Communism and Mutual Aid: Kropotkin Visits the Bushmen

A. Barnard presents the views of Peter Kropotkin as an anarchist theoretician on primitive communism, the views alternative to Marxist tradition. Kropotkin's knowledge of Bushmen was entirely second-hand. He uses them as a case study for his ideas of mutual aid in primitive societies. Barnard confronts description of the Bushmen by Kropotkin with the recent anthropological data on the degree of authority in the hands of leaders and the extent of sharing of products. Theories of «primitive communism» and «incipient capitalism» are tested against ethnographic evidence. Barnard makes accent on «foraging ethos» rather than «foraging mode of production». Kropotkin used to stress the common features of «hunting» and «herding» societies, the pan-Khoisan unity, which modern scholars only start to rediscover. Kropotkin's views on «communism» may still serve as a model of ethnographic generalization.

A. Barnard